

УДК 177.7

DOI: 10.24412/2713-1033-2021-1-57-67

Е. А. Коваль

Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО
«Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)», Саранск, Россия,
e-mail: nwifesc@yandex.ru

«НОРМАЛЬНЫЙ ЗАКОН ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИСТОЧНИКАХ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО¹

В данной статье анализируются представления об источнике социальных норм, изложенные в произведениях Ф. М. Достоевского. Особенности таких представлений и механизмов нормообразования (генезис, нормотворчество) описываются посредством апелляции к понятию социального воображаемого.

Полифоничность языка писателя позволяет рассмотреть диалектику идей и антиидей в социальном воображаемом, порождающих, соответственно, нормы и антинормы. Критерии дифференциации норм и антинорм, работающие на индивидуальном и социальном уровнях (совесть, уровень развития морального сознания, моральный порядок), позволяют каждому человеку проверять идеи, автором и носителем которых он является.

Одна из ключевых идей, которым уделяется существенное внимание как в художественных, так и в публицистических текстах Ф. М. Достоевского, – самопожертвование. Данная идея обладает мощным нормотворческим потенциалом, способствует расширенному воспроизводству социального воображаемого, однако разрушается в сочетании со стремлением к корысти.

Ф. М. Достоевский отказывается от эгалитарного подхода в оценке нормотворческого потенциала личности, обращая внимание на преимущество «маленьких человечков» перед «обыкновенными людьми».

Ф. М. Достоевский не оперирует понятиями «нормотворчество» или «представления об источниках социальных норм», однако его идеи о происхождении и содержании «нормального закона человечества» до настоящего времени оказывают влияние на формирование социального воображаемого.

Ключевые слова: норма, нормотворчество, источник социальных норм, социальное воображаемое, идея, антиидея, самопожертвование, Ф. М. Достоевский.

¹ Материалы исследования представлены в докладе на IX Международном конгрессе «Русская словесность в мировом культурном контексте. Классика и мы: к 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского» (14-17 мая 2021 г., Москва).

Благодарность: Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-011-00082).

E. A. Koval

The Mid-Volga Institute (branch) «The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)», Saransk, Russia,
e-mail: nwifesc@yandex.ru

«NORMAL LAW OF HUMANITY»: UNDERSTANDING OF THE SOCIAL NORMS SOURCES IN THE WORKS OF F.M. DOSTOEVSKY

This article analyzes the ideas about the source of social norms set forth in the works of Dostoevsky. The peculiarities of this ideas and mechanisms of norm formation (genesis, norm-creating) are described with help the such phenomena as a social imaginary.

The polyphonic nature of the writer's language allows us to consider the dialectics of ideas and anti-ideas in the social imaginary, which give rise, respectively, to norms and anti-norms. At the individual and social level, the criteria for differentiating norms and anti-norms can be distinguished: conscience, the level of moral consciousness development, moral order. These criteria allow each person to test the ideas of which he or she is the author and carrier.

Self-sacrifice is one of the key ideas that receive significant attention both in the fictional and publicistic texts of Dostoevsky. This idea has a powerful norm-setting potential, contributes to the expanded reproduction of the social imaginary, but it is destroyed in combination with the desire for self-interest.

Dostoevsky rejects the egalitarian approach in assessing the norm-creating potential of a person and draws attention to the advantage of «little people» over «ordinary people».

It should be noted that Dostoevsky does not operate with the concepts of «norm-creating» or «ideas about the sources of social norms», however, his ideas about the origin and content of the «normal law of humanity» still influence the formation of the social imaginary.

Keywords: norm, norm-creating, source of social norms, social imaginary, idea, anti-idea, self-sacrifice, F. M. Dostoevsky.

Acknowledgments. The article is supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) (project no. 19-011-00082).

Введение

Социальным нормам, которые регулируют поведение человека в обществе, в произведениях Ф. М. Достоевского уделяется значительное внимание. Как правило, этический либо социально-философский анализ таких норм

ограничивается исследованием status quo: нормы уже существуют, как существуют и представления о них. Однако в текстах Ф. М. Достоевского находит отражение не только содержание и смысл «нормального закона человечества», но и его происхождение.

Для исследования представлений об источниках социальных норм¹ в произведениях Ф. М. Достоевского может быть использован такой концепт, как социальное воображаемое. Социальное воображаемое – это символический континуум, совокупность представлений обычных людей о социальном мире, своем месте в обществе, о способах взаимодействия Я и Другого, о моральном порядке, о том, что связывает членов общества друг с другом и что разрушает эту связь, которые выражаются не в социальных теориях, а в «образах, рассказах, легендах» [Тейлор, 2017: 221]. В социальном воображаемом пересекаются и взаимодействуют должное и сущее, благодаря чему оно не ограничивается репрезентацией реальности, но имеет творческую природу, а результатом творчества является сама реальность или рациональность [Касториадис, 2003: 9].

Тексты Ф. М. Достоевского являются великолепной иллюстрацией того, как работает социальное воображаемое, когда читатели и персонажи как будто оказываются в одном времени и пространстве, а воображаемый и реальный миры тесно переплетаются. М. М. Бахтин сравнивает постоянное взаимодействие между реальным миром и миром романа с обменом веществ между организмом и средой: «Этот процесс обмена, разумеется, сам хронотопичен: он совершается прежде всего в исторически развивающемся социальном мире, но и без отрыва от меняющегося исторического пространства. Можно даже говорить и об особом творческом хронотопе, в котором происходит этот обмен произведения с жизнью и совершается особая жизнь произведения» [Бахтин, 2012: 499-500]. В этом же ключе рассуждает и Б. Андерсон, отмечая, что в одном календарном времени и в одном пространстве встречаются читатели, герои и автор, что способствует формированию воображаемых сообществ [Anderson, 2001], объединенных общими представлениями о социокультурном пространстве-времени и общими ценностями.

Итак, с одной стороны, в текстах Ф. М. Достоевского представлено отражение социальной реальности, но, с другой стороны, писатель не только осуществляет анализ существующих представлений об обществе, но и развивает их, показывая разрыв между должным и сущим, а также пути его преодоления. Эта динамика обеспечивает непреходящую актуальность сочинений Ф. М. Достоевского.

Представления об источниках социальных норм являются значимой частью социального воображаемого. Они отличаются многообразием не только в реальности, но и в художественных и публицистических текстах, где

¹ «...Установка индивидуального или общественного сознания, содержащая убеждения относительно поведения человека в социуме, оцениваемого как нормальное, и причин такого поведения» [Коваль, 2017: 14].

причудливо сочетаются репрезентируемое сущее и воспроизводимые, а также вновь создаваемые, представления о должном. Представления об источниках социальных норм коррелируют с представлениями о нормообразовании.

Механизм социального нормотворчества: от хорошего человека к хорошему обществу

Можно выделить, по меньшей мере, два ключевых механизма нормообразования: генезис и нормотворчество. Для генетического механизма характерны представления об источниках социальных норм, не связанные с творческой деятельностью различных субъектов, будь то Бог, человек или коллектив (локальная этническая или национальная общность, класс, сословие [Дробницкий, 2002: 238]. Нормотворчество, напротив, предполагает либо сознательную деятельность, направленную на появление или изменение существующих норм, либо исключение из социального воображаемого устаревших норм. Впрочем, нормотворчество может интерпретироваться как историческая деятельность людей, осуществляемая на протяжении жизни нескольких поколений и потому неосознанная [Дробницкий, 2002: 240]. У Ф. М. Достоевского субъектом таким образом понимаемого нормотворчества является русский народ как исполнитель Божией воли, не теряющий при этом творческого потенциала.

Русский народ как нормотворец у Достоевского противопоставляется европейским народам: если последние основываются на разуме, и ключевым нормативным регулятором в их культуре выступает право, то первый апеллирует, скорее, к чувству, и приоритет отдает нравственным нормам. Поэтому в России и Европе формируются разные варианты социального воображаемого.

Отечественный вариант «нормального закона человечества», по Достоевскому, основывается на таком нравственном требовании, как самопожертвование. В одном из сюжетов, опубликованных в «Дневнике писателя» за январь 1876 года, он на конкретном примере самопожертвования описывает контуры механизма социального нормотворчества, показывая, что влиять на появление и изменение норм могут не только представители элиты или харизматичные лидеры, но и «маленькие люди». Речь в этом сюжете идет о бедном чиновнике, «идеалисте сороковых годов», ненавидящем крепостное право. Он всю жизнь отказывал во всем себе и близким, не оставил им наследства, но на сэкономленные средства выкупал крестьян, никому об этом не сообщая, не требуя признания своего подвига. Его скудных накоплений хватило на то, чтобы выкупить троих или четверых человек, но подобные «практики малых дел», по меткому выражению Т. А. Касаткиной, способствовали колоссальным социальным преобразованиям: «через 20 лет вся Россия в едином порыве уничтожает у себя крепостное право» [Касаткина, 2017: 110].

«Маленький человечек» не ждет ни инициативы власти, ни всеобщего народного подъема: он просто делает то, что велит ему совесть, жертвует своим

благополучием ради Другого, ничего не требуя взамен. Разумеется, чиновник, о котором рассказал Ф. М. Достоевский, не стал единственной причиной масштабных нормативных преобразований, но он – один из «зародышей кристаллизации». Без таких «маленьких человечков» невозможно появление новых норм и практик.

Следовательно, Ф. М. Достоевский предельно четко обозначает вектор развития социальной нормативности: от хорошего человека к хорошему обществу, но не наоборот. Невозможно обрести идеальную власть, создать безупречную правовую систему, законы, которые будут беспрекословно соблюдаться всеми и не вызывать критических замечаний относительно своей формы и содержания.

Анализ вышеприведенного сюжета может натолкнуть на мысль о том, что Ф. М. Достоевский проповедует эгалитарный подход к социальному нормотворчеству. Однако писатель в своих произведениях «выводит» тип, так называемых, «обыкновенных» или «ординарных» людей, которые могут соблюдать или нарушать нормы, но не имеют своих идей и, соответственно, не совершают поступков, способных повлечь за собой социальные изменения. Так, например, в романе «Идиот» он характеризует их следующим образом: «В самом деле, нет ничего досаднее, как быть, например, богатым, порядочной фамилии, приличной наружности, недурно образованным, неглупым, даже добрым, и в то же время не иметь никакого таланта, никакой особенности, никакого даже чудачества, ни одной своей собственной идеи, быть решительно «как и все». Богатство есть, но не Ротшильдово; фамилия честная, но ничем никогда себя не ознаменовавшая; наружность приличная, но очень мало выражающая; образование порядочное, но не знаешь, на что его употребить; ум есть, но без своих идей; сердце есть, но без великодушия, и т.д., и т.д. во всех отношениях» [Достоевский, 1973а: 384]. «Обыкновенные» люди, по-видимому, не способны к нормотворчеству, по крайней мере, к сознательному. Однако и они участвуют в реализации социальных практик, следовательно, так или иначе, влияют на социальное воображаемое и на процесс нормообразования.

Механизм осознанной нормотворческой деятельности, вероятно, более сложен. Наибольший творческий вклад в появление новой нормы или в изменение существующей вносит автор нормотворческой идеи. Далее должно найтись достаточное количество людей, разделяющих эту идею. Однако помимо тех, кто готов просто поддерживать идею (как, например, слактивисты, описанные Е. Морозовым [Morozov, 2012]), понадобятся те, кто готов переходить от идеи к практикам. Если переход не осуществляется, идея не преобразуется в норму, не обретает характер долженствования. Данный переход применительно к нормам морали описывает К. Корсгаард: «моральные стандарты существуют, если только люди верят в такие стандарты и регулируют свое поведение в соответствии с ними» [Korsgaard, 1992: 22].

Однако в социальном воображаемом воспроизводятся не только идеи, но и антиидеи.

Идеи и антиидеи

Под антиидеями А. И. Титаренко понимает «...комплекс реакционных идейно нравственных образований, которые прямо, открыто и воинственно противостоят поступательному духовному развитию в истории. Они – антипод духовного прогресса, они мрачная альтернатива гуманному смыслу как движения всей истории, так и предназначения, судьбы, самооценности жизни отдельного человека» [Титаренко, 1984: 7-8]. Антиидеи наряду с идеями возникают и исчезают в социальном воображаемом. Ситуация осложняется тем, что существуют принципиально противоположные интерпретации одних и тех же явлений. То, что в одном философском учении представляется истинным благом, в другом, в лучшем случае, может пониматься как антиидея. Однако антинормы, основанные на антиидеях, появляются в каждом обществе.

Обе разновидности идей обладают нормотворческим потенциалом, но идеи обеспечивают расширенное воспроизводство социального воображаемого, а антиидеи «коррумпируют», развращают его.

Одна их ключевых нормотворческих идей, согласно Ф. М. Достоевскому, как отмечалось выше, – это идея самопожертвования: «...самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего развития личности, высочайшего ее могущества, высочайшего самообладания, высочайшей свободы собственной воли. ... Это закон природы; к этому тянет нормально человека» [Достоевский, 1973b: 79].

Однако эта идея легко мутирует в антиидею: «беда иметь при этом случае хоть какой-нибудь самый малейший расчет в пользу собственной выгоды» [Достоевский, 1973b: 79-80]. Стремление к выгоде, материальному обогащению, по Достоевскому – одна из основных губительных антиидей, наряду с обособленностью, предельной индивидуализацией, приводящей к социальной разобщенности. Подробно ситуация вырождения идеи самопожертвования в идею самосохранения описана в романе «Идиот». Эта ситуация разворачивается в споре Евгения Павловича Радомского, Гани и Лебедева, где Ганя Иволгин интерпретирует чувство самосохранения как «нормальный закон человечества». Ганя выбран «защитником» самосохранения далеко не случайно. Он предстает не только во всех отношениях «обыкновенным» человеком, но и носителем антиидеи обогащения (сцена с сожжением денег Настасьей Филипповной, приношение этих денег Ганей князю Мышкину, последующее тщеславное раскаяние).

Трагическое переплетение идей и антиидей усугубляется в ситуации, когда общество не имеет общей нравственной идеи и когда не обеспечивается ее воспроизводство, передача из поколения в поколение [Достоевский, 1983: 181]. Разные образы правильного, нормального, слабо сочетаемые между собой или даже принципиально несовместимые, разрывают ткань социального воображаемого. Последствия такой ситуации отражаются на социальной

реальности: снижается уровень социального доверия, повышается уровень агрессии и конфликтности публичного дискурса по ключевым ценностно-нормативным вопросам, теряются основания солидаризации граждан. «Всякий откладывает всё, что прежде было общего в мыслях и чувствах, и начинает с своих собственных мыслей и чувств» [Достоевский, 1981: 80].

В цифровую эпоху проблема обособления и «экспертизации» общества приобрела уникальные масштабы. Если ранее к публичному пространству имели доступ только отдельные личности (писатели, журналисты, ученые, политики), то сегодня практически каждый, имеющий доступ к сети интернет, может обрести свою аудиторию, выступать перед ней с экспертным мнением, начиная «с своих собственных мыслей и чувств». Многообразие разрозненных представлений о норме и антинорме в социальном воображаемом создает предпосылки для социальной разобщенности. При этом необходимо отметить, что плохо не само по себе многообразие идей и мнений, но их инкапсуляция, отсутствие конструктивных вариантов сочетания (взаимодействие слишком часто осуществляется только внутри матрицы «свой» – «чужой»).

Помимо идеи обособления и предельной индивидуализации «разрыв» социального воображаемого усиливает и идея обогащения, которая ложится в основу образов успеха, власти, славы. «Развратительнее этой мысли не может быть никакой другой. А она носится и проникает всё мало-помалу. Народ же ничем не защищен от таких идей, никаким просвещением, ни малейшей проповедью других противоположных идей» [Достоевский, 1981: 30].

Таким образом, помимо идеального воображаемого сообщества, которое, по мнению Й. Херльта, в текстах Ф. М. Достоевского зиждется на воспоминании и сострадании, сочувствии [Херльт, 2019], существует и вариант нормотворческого преобразования социального воображаемого, который далек от идеала и глубоко несимпатичен автору. Это и нормотворческие интенции Великого инквизитора, и теория Раскольникова, посягающего на пределы нормативного поведения как с точки зрения права, так и с позиций моральной и религиозной нормативности. Это, безусловно, новый мир бесов, которые осуществляют легитимацию убийства и самоубийства как крайних форм агрессии и аутоагрессии.

Таким образом, в текстах Ф. М. Достоевского описаны представления об источнике не только норм, но и антинорм. Создатели антинорм – тоже творцы, но их творчество деструктивно. Достоевский, описывая это негативное нормотворчество, обращает внимание читателя на то, что человека постепенно захватывает порочная идея, которая, буквально, «витают в воздухе», и он не останавливается на совершении поступка под влиянием этой идеи. Ему нужно легитимизировать такой поступок, оправдаться и, главное, самооправдаться. Для этого идея и возводится в норму. Однако норма – это социальная сущность, «пространство поступка (включая помимо деяния мысль и слово), ограниченное одновременно истинными тезисом и антитезисом (сущим и должным, типовым и эталонным), и расширенно воспроизводящееся в процессе коммуникации

социальных субъектов» [Коваль, 2017: 18]. Для того чтобы какая-либо практика приобрела статус нормы, необходимо обеспечить ее массовое признание. Поэтому человек, проигравший произволу в борьбе за свою свободу, часто стремится заразить покорившей его идеей как можно больше людей, в пределе – весь мир. Существуют люди, которые, не умея стать целостными, призывают всех и каждого расколоться, как и они сами.

Таким образом, нормотворчество «из произвола» возможно, но в результате может получиться только антинорма, основанная на антиидее. Нормы и антинормы переплетаются в социальном воображаемом. Оно, в целом, весьма многолико, сочетает в себе различные образы реальности, утопий и антиутопий, поэтому идея Ф. М. Достоевского о том, что русский народ является спасителем несмотря на присущие ему негативные черты, не является противоречивой: «Повторяю: судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно вздыхает. ... Я как-то слепо убежден, что нет такого подлеца и мерзавца в русском народе, который бы не знал, что он подл и мерзок, тогда как у других бывает так, что делает мерзость, да еще сам себя за нее похваливает...» [Достоевский, 1981: 43].

Достоевский не идеализирует русский народ, но полагает главным признаком «нормального закона человечества» – отмежевание нормы от антинормы. Нормы постоянно нарушаются, но гораздо страшнее ситуация, когда ненормальное возводится в статус нормального, и люди, следующие этому «ненормальному», искренне верят в нормативность своих поступков и убеждений.

Критерии дифференциации норм и антинорм

Для расширенного воспроизводства социального воображаемого требуются критерии дифференциации норм и антинорм, создаваемых субъектами нормотворчества. Можно выделить критерии, работающие на индивидуальном и социальном уровнях.

1. На индивидуальном уровне – это совесть и уровень развития морального сознания. Совесть Ф. М. Достоевский устами своего персонажа старца Зосимы определяет в христианском ключе: «Если что и охраняет общество даже в наше время и даже самого преступника исправляет и в другого человека перерождает, то это опять-таки единственно лишь закон Христов, сказывающийся в сознании собственной совести» [Достоевский, 1976: 60]. Совесть при должном напряжении воли позволяет различать нормативное и ненормативное. Осознание такого рода различий не гарантирует нормативного поведения, но лежит в основе раскаяния в случае нарушения нормы. Чем совестливей человек и чем выше уровень развития его морального сознания, тем больше он способен пойти, если нужно, против референтной группы, или даже против всех, если считает, что они навязывают нечто аморальное, неправильное (постконвенциональный уровень развития морального сознания по Л. Кольбергу) [Kohlberg, 1981].

2. На социальном уровне критерием дифференциации норм и антинорм является, в первую очередь, существующий моральный порядок. Сложно представить себе общество, состоящее, в основном, из раскольниковых, верховенских или великих инквизиторов. Впрочем, эти персонажи и позиционируют себя как меньшинство, видящее свою миссию в том, чтобы управлять большинством, «девятью десятими». Антинормы часто направлены на разрушение существующего морального порядка. Последний может быть весьма неоднороден, и все же можно, как минимум, интуитивно обозначить его границы. Так, например, если в современном публичном дискурсе всерьез начнут обсуждать нормальность рабства и необходимости его легитимации, эта идея не будет поддержана, так как она не просто нарушает, но разрушает существующий моральный порядок.

Основным водоразделом норм и антинорм, безупречным нравственным идеалом у Достоевского является Христос. Без Христа, без Его неумолчного говорения в совести человека последний не сможет определить, прав ли он или заблуждается, вкладывает ли он идею в социальное воображаемое, развивает ли существующую, или, будучи творцом и распространителем антиидей разрушает социальное воображаемое, а с ним и общество. Однако в современном плюралистичном обществе такой критерий не используется в качестве универсального, хотя и не теряет своей актуальности.

Заключение

Итак, произведения Ф. М. Достоевского не только вносят вклад в «...социальное воображаемое России последней трети XIX века» [Херльт, 2019], но и до настоящего времени являются значимой составляющей социального воображаемого и позволяют исследовать различные варианты представлений об источниках социальных норм и о содержании «нормального закона человечества». Идеи Ф. М. Достоевского появились в контексте социального воображаемого, современного автору, но до настоящего времени они оказывают воздействие на социальное воображаемое, включаясь в процессы его расширенного воспроизводства.

Список литературы (References)

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Собр. соч. Т. 3: Теория романа (1930-1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. С. 340-503.
Bakhtin M. M. (2012) Forms of Time and the Chronotope in the Novel // Collected Works. Volume 3: Theory of the Novel (1930-1961). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. P. 340-503. (In Russ.)
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Ленинград: Наука, 1973а. Т. VIII. 512 с.
Dostoevsky F. M. (1973a) The Complete Works in thirty volumes. Leningrad: Nauka Publ. Vol. VIII. 512 p. (In Russ.)

3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Ленинград: Наука, 1973b. Т. V. 408 с.
Dostoevsky F. M. (1973b) The Complete Works in thirty volumes. Leningrad: Nauka Publ. Vol. V. 408 p. (In Russ.)
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Ленинград: Наука, 1976. Т. XIV. 512 с.
Dostoevsky F. M. (1976) The Complete Works in thirty volumes. Leningrad: Nauka Publ. Vol. XIV. 512 p. (In Russ.)
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Ленинград: Наука, 1981. Т. XXII. 408 с.
Dostoevsky F. M. (1981) The Complete Works in thirty volumes. Leningrad: Nauka Publ. Vol. XXII. 408 p. (In Russ.)
6. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Ленинград: Наука, 1983. Т. XXV. 472 с.
Dostoevsky F. M. (1983) The Complete Works in thirty volumes. Leningrad: Nauka Publ. Vol. XXV. 472 p. (In Russ.)
7. Дробницкий О. Г. Моральная философия: Избр. труды / Сост. Р. Г. Апресян. М.: Гардарики, 2002. 523 с.
Drobnitsky O. G. (2002) Moral Philosophy: Selected Works. Moscow: Gardariki. 523 p. (In Russ.)
8. Касаткина Т. А. Имплицитная/внутренняя философия произведений Ф. М. Достоевского и соотношение ее с жизненной позицией молодежи XXI века // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 41(1). С. 105-110.
Kasatkina T. A. (2017) Implitsitnaya/vnutrennyaya filosofiya proizvedeniy F. M. Dostoevskogo i sootnoshenie ee s zhiznennoy pozitsiey molodezhi XXI veka (Implicit/Internal Philosophy of F.M. Dostoevsky's Works and it's Correlation with the Life Attitude of the Young People in the XXI Century). *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. No 41. Issue 1. P. 105-110. (In Russ.)
9. Касториадис К. Воображаемое установление общества / Пер с фр. М.: «Гнозис», «Логос», 2003. 480 с.
Castoriadis C. (2003) The Imaginary Institution of Society. Moscow: Gnozis Publ., Logos Publ. 480 p. (In Russ.)
10. Коваль Е. А. Социальная нормативность как фактор общественного воспроизводства: автореф. дис. д-ра филос. наук: 09.00.11 / Коваль Екатерина Александровна. Саранск, 2017. 45 с.
Koval E. A. (2017) Social normativity as a factor of social reproduction: abstract of thesis of the Doctor of Philosophy. Saransk. 45 p. (In Russ.)
11. Тейлор Ч. Секулярный век / Пер. с англ. (Серия «Философия и богословие»). М.: ББИ, 2017. xiv + 967 с.
Taylor Ch. (2017). A Secular Age. Moscow: ВВІ. 967 p. (In Russ.)
12. Титаренко А. И. Антиидеи. Опыт социально-этического анализа. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1984. 478 с.

Titarenko A. I. (1984) *Anti-ideas: An Essay in Socio-Ethical Analysis*. Moscow: Politizdat. 478 p. (In Russ.)

13. Херлт Й. «На каком расстоянии кончается человеколюбие?» Толстой и Достоевский в 1877 году: социальная эпистемология романа // НЛО. 2019. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2019/1/na-kakom-rasstoyanii-konchaetsya-chelovekolyubie-tolstoj-i-dostoevskij-v-1877-godu-soczialnaya-epistemologiya-romana.html> (дата обращения: 14.11.2020).

Herlth J. (2019) «Na kakom rasstoyanii konchaetsya chelovekolyubie?» Tolstoy i Dostoevskiy v 1877 godu: sotsial'naya epistemologiya romana («At what distance does love for humanity end?») Tolstoy and Dostoevsky in 1877: The Social Epistemology of the Novel). *Russian Studies in Literature*. No 1. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2019/1/na-kakom-rasstoyanii-konchaetsya-chelovekolyubie-tolstoj-i-dostoevskij-v-1877-godu-soczialnaya-epistemologiya-romana.html> (accessed 14.11.2020). (In Russ.)

14. Anderson B. (2006) *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London; New York: Verso. 240 p.

15. Kohlberg L. (1981) *Essays on Moral Development. Vol. I. «The Philosophy of Moral Development»*. San Francisco: Harper & Row Publ. 441 p.

16. Korsgaard Ch. M. (1992) *The Sources of Normativity // The Tanner Lectures on Human Values*. Clare Hall, Cambridge University. 112 p.

17. Morozov E. (2012). *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom*. New-York: PublicAffairs. 448 p.

Сведения об авторе

Коваль Екатерина Александровна – профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске, доктор философских наук. Занимается изучением вопросов нормативности морали, права, религии. Автор более 140 научных и учебно-методических работ.

E-mail: nwifesc@yandex.ru.

<https://orcid.org/0000-0003-0069-5335>

About the author

Koval Ekaterina Alexandrovna – doctor of philosophical sciences, professor of the department of Criminal Procedure Law and Criminalistics of Mid-Volga Institute (branch) of Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) in Saransk. Engaged in studying the problems of moral, law and religion normativity. The author of over 140 scientific and educational works.

E-mail: nwifesc@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0069-5335>